

Ковалёва Н.Н., Брест

БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Концепция исторической памяти интересна представителям различных направлений гуманитарного знания: историкам, социологам, культурологам, филологам. Для историка важно, прежде всего, соотнести понятия «история» и «историческая память». Основатель теории исторической памяти французский социолог Морис Хальбвакс утверждал, что история и историческая память во многих отношениях, противоположны [9]. Известный французский учёный Пьер Нора, развивая взгляды Хальбвакса, заявлял, что «история убивает память» [7, 22]. Ряд видных российских и зарубежных авторов (Й. Рюзен, П. Берк, Л.П. Репина и другие) считают, что «историю как продукт профессионального историописания, можно считать частью или видом исторической памяти» [8]. Исходя из этого подхода, который нам представляется наиболее убедительным, можно принять среди множества определений исторической памяти следующее: «Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [8].

Распространение научных исторических знаний, безусловно, формирует историческую память. Но история наука политизированная, поэтому содержание курсов истории в средней и высшей школе зависит от изменения так называемой исторической политики, особенно в новых постсоциалистических и постсоветских странах. Это вызывает разнообразные интерпретации национальной истории и, как следствие, ведёт к неоднородности и фрагментарности исторической памяти граждан страны.

Художественная литература более свободна, менее подвержена политической конъюнктуре. Писатель имеет право на вымысел, на некоторый субъективизм. И хотя наша новейшая история изобилует фактами преследований писателей и поэтов за «ошибочные» взгляды на события истории и современности, есть и примеры того, как в не столь «жёсткие» времена литераторы смогли в завуалированной форме «протащить» сквозь препоны цензуры своё видение исторического процесса.

Взгляд писателя на историю ценен тем, что формируется как на основе определённых исторических фактов (насколько глубоко они

изучены – всегда на совести писателя), так и под воздействием личных воспоминаний, воспоминаний членов его семьи (того, что Хальбвакс называет «внутренняя», «автобиографическая» память) [9], воспоминаний и личного опыта соседей, очевидцев и попросту мифов. Поэтому у писателя история, действительно, предстаёт как комплекс научных, ненаучных знаний и массовых представлений о прошлом, интерпретированный в соответствии с его гражданской позицией и нравственными установками. И если писатель слегка пофантазирует, включая своё воображение, давая вольные трактовки хода событий и героизируя исторические личности, общество может больше приобрести, чем потерять, потому что в памяти читающих потомков запечатлеются написанные яркими красками портреты людей ушедшей эпохи. Таким образом, литература помогает сохранить и воспроизвести сведения о прошлом на основе воображения. Недаром, у древних греков Мнемозина была одновременно богиней памяти и воображения.

В странах, где оценки истории не столь переменчивы, как в постсоветских республиках, литература действительно стала средством пробуждения интереса к истории и закрепления знаний. «Я помню Реймс, пишет Хвальбакс, – потому что жил там целый год. Я также помню, что Жанна д'Арк была в Реймсе, и что там был коронован Карл VII, потому что я слышал или читал (выделено автором Н. Ковалёвой) об этом»[9]. Для советских писателей обращение к историческому жанру было чревато последствиями в случае отступления от классовых позиций, но давало возможность ухода от сервиллизма¹. «Некоторые российские писатели этой возможностью воспользовались (А. Толстой, В. Ян, В. Костылев, В. Язвицкий и другие). Впрочем, и в этом жанре приходилось приносить жертвы режиму в форме апологетики деспотизма (например, «Орёл и орлица», «Пётр I» Алексея Толстого). Белорусские писатели были долго лишены возможности использовать этот жанр, так как, по официальной версии, история Беларуси началась только после 1917г.»[1,62].

Хотя во времена хрущевской либерализации история Беларуси как наука ещё не была восстановлена в правах (курс истории Беларуси в школах ввели только в 1959 г.), снижение накала политических репрессий вызвало к жизни появление жанра исторического романа. Мы связываем это, прежде всего, с творчеством В. Короткевича. «История интересовала Короткевича, главным образом, как притча, легенда и в том плане, какое влияние оказала она на духовную жизнь народа, на его общественное самосознание. Писателю характерно романтическое, фольклорно-легендарное осмысление прошлого»[2]. Его поэтизация и героизация прошлого содействовала восстановлению исторической памяти народа,

¹ Сервиллизм (от лат. *servilis* – рабский, невольничий) – раболепство, холуйство, рабская угодливость.

именно восстановлению, так как даже в условиях отсутствия официальной истории Беларуси на уровне семьи передавалась, транслировалась память о «беларускай мінуўшчыне». К примеру, серия произведений о восстании 1863–64гг. (стихи, рассказы, публицистические произведения, романы «Колосья под серпом твоим», «Нельзя забыть», повесть «Оружие», драма «Кастусь Калиновский») представляет восстание как национально-освободительное. Таким это событие и запечатлелось в памяти читающих людей, причём даже без соотнесения с теми знаниями, которые давали учебники истории.

А в наших учебниках истории на протяжении жизни моего поколения оценки восстания менялись многократно. И даже сейчас в год его 150-летия, широко отмечаемый в Польше и Литве, в Беларуси пока состоялось только одно значимое событие, имеющее отношение к данной проблеме – конференция «Польское шляхетское восстание 1863 года. Взгляд на события 150 лет спустя». Кошунственно звучали заявления некоторых участников (главного редактора журнала «Белорусская думка» Вадима Гигина) о необходимости избавиться от «калиновщины», ликвидировать легенду, созданную большевиками и закреплённую в 1990-е годы белорусскими оппозиционерами и националистами[3].

К сожалению, для многих белорусов знакомство с исторической прозой ограничилось В. Пикулем. Поэтому их представления о роли в нашей истории таких личностей, как Суворов, Пётр I, Екатерина II деформированы, отсутствует понимание того, кто они для нас: герои, или антигерои. А ведь оценка исторических персоналий – это один из важнейших индикаторов для изучения исторической памяти определённой группы (граждан Беларуси) при проведении социологических исследований.

Таблица 1. Изменение рейтинга некоторых политиков по данным трех соцопросов.

	1996	2004	2008
Машеров	45,2	32,7	23,5
Пётр I	34,2	30,9	18,5
К. Калиновский	4,2	11	13,6
Екатерина II	-	15,4	12,5
Князь Витовт	2,2	6,6	8,8
Ленин	18,7	8,6	8,2
Сталин	10,8	9	6,3
Сапега	-	6,5	4,9

Таблица, составленная историком В. Носевичем [6], свидетельствует о некотором росте рейтинга Константина Калиновского, который действительно мог бы претендовать на роль национального героя. По данным социолога А. Ластовского, положительно роль Калиновского в истории Беларуси оценивают чуть более половины опрошенных (52%), в то время как треть опрошенных (31%) затрудняются дать какую-либо оценку. Причем, среди представителей младшего поколения положительно оценивают деятельность Калиновского 60%, а среди представителей старшего поколения таких всего 47% [4]. Старшее поколение – это те, чьи социальные представления о прошлом формировались в советское время, когда личность Калиновского не замалчивалась полностью в силу его революционно-демократических взглядов, но и не воздвигалась на пьедестал, так как, по мнению советских историков, Калиновский грешил польским национализмом.

Поверхностные знания белорусов о национальных героях – это во многом результат дефицита хорошей исторической прозы. Если белорусы и читают историческую литературу, то это, как правило, книги о Великой Отечественной войне. Эта тема долгие годы была основной в творчестве многих читаемых белорусских писателей (В. Быкова, И. Мележа, И. Шамякина и др.). Канадский историк и политолог Дэвид Марплз, автор исследования "Историческая память и Вторая мировая война в Беларуси" подсчитал, что только с 2005 по 2010г. в Беларуси издано 1500 наименований книг на военную тематику. Можно согласиться с его утверждением, что «Великая Отечественная война есть определяющий элемент исторической памяти и основа для формирования современной коллективной идентичности в Беларуси»[5]. Поэтому Великая Отечественная война – для белорусов ключевое событие истории, вызывающее гордость, так её оценивают 89% наших граждан[6].

Таким образом, художественная литература является одним из средств формирования и трансляции исторической памяти. Об этом свидетельствует опыт многих стран, где в жанре исторической прозы работали действительно талантливые писатели. Неоднородность и фрагментарность исторической памяти белорусов, проявляющаяся в незнании своих национальных героев, размытости представлений о важнейших событиях национальной истории – результат не только многократных смен образовательной парадигмы, но и дефицита хорошей исторической литературы. Наше общество нуждается в открытом обсуждении многих спорных проблем и даже в формировании национальной исторической мифологии. И роль беллестристики в этом нам представляется исключительно важной.

Список источников и литературы:

1. Васюченко, Пётр Сервиллизм в белорусской литературе / Пётр Васюченко // Деда: дайджест публикаций о белорусской истории. Выпуск 8 / сост. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2011. –280 с.
2. Верабей, Анатолий. Караткевіч Уладзімір // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. / рэд. калегія: Г.П. Пашкоў (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Мн.: “ Беларуская энцыклапедыя” імя Петруся Броўкі, Т.4 – 1997. – 432 с.
3. Гигин Вадим: Восстание Калиновского – миф от большевиков и националистов // Белорусский партизан. 21.01. 2013. – [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/life/226765/>.
4. Ластовский, Алексей. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / Алексей Ластовский //19 июля 2010 ПОЛИТ. РУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>. – Дата доступа: 06.09.2012.
5. Марплз, Дэвид. В Беларуси происходит последовательная реанимация сталинизма / Дэвид Марплз // Белорусский партизан. – 13.06.2012. – [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/politic/212932>.
6. Носевич, Вячеслав. Наследие ВКЛ в исторической памяти современных белорусов. / Вячеслав Носевич // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai / Leidinį sudarė: A. Bumblauskas, G. Potašenko. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. С. 301–320. – [Электронный ресурс].– Режим доступа: vln.by/node/15 (персональный сайт Вячеслава Носевича).
7. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.
8. Соколова, М.В. Что такое историческая память / М.В. Соколова // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. – 2008. – №7. – [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://pish.ru/blog/articles/articles2008/142>. – Дата доступа:16.09. 2012.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Часть 1 // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2005. –№ 2 – 3 (40 – 41). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. – Дата доступа: 5.09.2012.